

ТАДЖИКСКАЯ ССР. Комсомольское озеро в Душанбе.

Фото В. Кошевого и Л. Окунова. Фотохроника ТАСС.

Солнечный весенний день в Душанбе. Уже в марте на тротуарах оживленных улиц выставлены столики. Рядышком умиротворяюще журчит вода в арыках.

— А, Молдавия! — радостно вскидывает свою юную голову Тойрджон Джураев. — Я бывал в Кишиневе... Бывал в молдавских кишлаках...

— Тойрджон Джураев, — коренастый, круглоголовый, с умным и каким-то предупредительным взглядом — очень приятный собеседник. Разговорились мы с ним за обедом, когда он неторопливо допивал пиалу с зеленым чаем, а я еще только подсел к столику.

— В молдавских кишлаках? — вопросительно повторил Тойрджон, словно переспрашивая самого себя. — Нет, у вас это называется как-то иначе... А, деревня!

— Точнее — село, — сказал я. — Деревня — это небольшая кишлак. А молдавские кишлаки — по тысяче и больше дворов.

— Как же, знаю... — обрадовался Тойрджон. — Я же говорю, что был там. — Потом на его юное, чуть лоснящееся после обеда лицо набежало облачко грусти. — Ездил я в Молдавию на братские могилы, где покоятся погибшие воины... И наши таджики... Понимаете, такое у меня было журналистское задание.

Как тут не понять. Сколько таджиков навеки остались лежать за много тысяч верст от родного очага. Родные, конечно, не все могли съездить в такую даль на их могилы. Так пусть хоть глазами журналиста поглядят они те холмики и обелиски.

Тойрджон рассказывает сдержанно и душевно: весь трудный путь войны вместе с другими народами прошли и сыны его народа. В составе группы сержанта Павлова, оборонявшей в Сталинграде «дом Павлова», был воин-таджик Турдыев. Герои Советского Союза Саидов, Бакиров, Рахматов были в первых рядах тех, кто штурмовал столицу

гитлеровского райха. Недаром в поверженном Берлине наше командование создало для воинов из Средней Азии чайхану...

Тойрджон до боли сердечной тронуло, как заботливо в молдавских селах ухаживают за братскими могилами, — и пионеры, и взрослые. Какие там воздвигнуты памятники, сооружены обелиски, мемориалы.

Безмерно трогательно все, что связано со священной памятью павших. И то, как пришлось вычеркнуть из списка погибших танкиста таджика. Школьники-следопыты из Молдавии разыскивали родственников танкиста, а нашелся он сам, выживший чудом.

И то, как мать приходит с давней похоронкой, просит вынуть на обелиске имя ее сына... Тойрджон сохранил самые добрые воспоминания о том, как встречали его в молдавских городах и «кишлаках».

— Понимаете, я ехал проведать могилы земляков. А мне открылись двери и сердца братьев. Хорошие стихи написал об этом высоком чувстве наш поэт Мумин Каноатов: Стучал я в тысячу дверей, идя по братской стороне, и всюду тысячи людей с участием отвечали мне. И я повсюду ощущал тепло сердечной доброты и в лицах братских узнавал твои живущие черты...

Пускай меня за то простят, — ведь в этом вовсе нет вины, — что не тебя нашел я, брат, а братство общее страны. Я дружбу верную узнал не понаслышке, а сполна. И в сердце клынула мое огромной нежности волна.

Балерина Малика Сабирова

В Душанбе за спиной театра оперы и балета — зубчатая линия гор.

Не то чтобы храм искусства был прямо-таки прижат к отрогам хребта. Нет, театр с

его стройными белыми колоннами и резным орнаментом портала стоит, как и положено театру оперы и балета, в центре города. За его громадой — пятиэтажные дома, улицы, скверы.

Но когда ты на театральной площади, та, что за спиной театра, зона совершенно не просматривается. Ее словно нет. Есть только ломаная линия горизонта, снежная пороша в белых чалмах. Все это чуть-чуть напоминает живописный «задник» из театральной декорации. Но вместе с тем вполне реально. Вполне: из затерянного в этих горах кишлака — сама Малика Сабирова...

В Душанбе Малику любят нежно и как-то особенно, по-родственному.

Малика, говорят, рассудила так. Может, приключилась такая

МНЕ ОТКРЫЛИСЬ ДВЕРИ И СЕРДЦА

Из дорожной тетради

Непрерывно постарайтесь попасть на балет, когда танцует Малика!..

Это вам по-дружески скажет в гостинице дежурная по этажу, и случайный сосед за столиком в чайхане, и работник учреждения, куда вы прибыли в командировку.

— О, Малику — непременно!..

Ее любят восторженно, даже с оттенком сострадания к тем неизбежным тяготам и жертвам, что выпадают на долю истинных избранников высокого искусства.

Не так давно произошел такой случай. Стряслось, что-то неладное с отопительной системой театра. Зима на юге выдалась на редкость суровой, и то ли трубы замерзли, то ли еще что-нибудь — в фойе, в зале перед спектаклем было так холодно, что иные зрители даже не сдавали пальто в гардероб.

Сверкали люстры, театр был полон — яблоку негде упасть. Ну, а как же балерине, всем исполнителям? Безусловно, на их стороне было полное право отказаться выступать. Пусть перенесут спектакль. В конце концов, ничего в этом страшного нет. Или свидание все-таки состоится, не сорвется?

В первую очередь это должно была решить Малика — маленькая хрупкая женщина, каждым нервом ощущающая молчаливый ток ожидания, безгущий, струящийся к ней.

Малика, говорят, рассудила так. Может, приключилась такая

неполадка где-нибудь в другом городе, стоило бы, пожалуй, перенести спектакль. Но дома, в Душанбе... Перед теми, на чьих глазах она выросла... Чьей посланницей она предстанет везде — в Париже, в Нью-Йорке и Токио... Нет, их ожидания нельзя обмануть ни на йоту.

В театре, где люди коченели от холода, вдохновенно и ярко в танце жила балерина, вершилось захватывающее дух чудо искусства. Закручивалась тугая спираль тридцати двух фуэте, смазывались от кружения предметы и световые пятна...

Мимолетный случай, крохотный эпизод. Не хотелось бы, — да и нужды в этом нет никакой, — выдавать его за подвиг. Этому воспротивилась бы прежде всего Малика. Но невольно вспоминается Ленинград, блокада, голод. Неполный зал филармонии, где оркестранты, бледные и продурогшие, играют симфонию Шостаковича... Вот где подвиг, вот где самоутверждение и торжество человеческого духа.

Ленинград... В этом городе Малика училась хореографии. Но несравненно большему, чем искусство танца, научил ее этот город. Или вернее, помог выявить, воспитать в себе. Потому что одержимость искусством, чувство ответственности, верность долгу не вложись в человека извне.

На московском конкурсе, в котором участвовали звезды мирового балета, Малика танцевала... с воспалением легких. Незадолго до выхода на сцену у нее был жар. И что же, о героизме и жертвенности думала она?.. Как рассказывала после конкурса сама Малика, думалось об одном: «Не подвести». Не подвести своего педагога — Галину Сергеевну Уланову. Выложиться целиком, без остатка, не жалеть себя, повинувшись долгу и увлеченности собственного сердца.

О незадачливых мастерах у таджиков есть насмешливая поговорка: втыкает иголку, хочет вытащить шило.

В искусстве, особенно в балете, существует своего рода закон сохранения энергии: если в произведение мало вложено, вряд ли из него много извлечется. Вся душу — безраздельно — вкладывает Малика в каждую работу.

...Трубили пионерские горны, горели миндалевидные глаза мальчиков и девочек. В театре имени Маяковского собралась молодежь, творческая интеллигенция, представители обществственности Душанбе. Предстояло вручить республиканские комсомольские премии

Михаил ХАЗИН

50 ЛЕТ
СССР

первым лауреатам. Их было двое: превосходный молодой поэт Мумин Каноатов, чей сборник стихов «Волны» недавно вышел в русском переводе в Москве, и балерина Малика Сабирова.

Обоим было сказано много добрых пожеланий и напутствий, смысл которых сводился к тому, что «взятую высоту нельзя снижать».

Кратко и взволнованно выступили лауреаты с ответным словом.

— На искренность комсомола, — сказал Мумин Каноатов, — я отвечу поэтической искренностью.

От души, взволнованно сказала Малика:

— Всеми силами своего искусства буду служить народу. Залог и подтверждение верности этих слов — и новый балет «Тимур-Малик», и выступления балерины дома и за рубежом, и вся ее жизнь, проникнутая единственной страстью — к балету.

А лучше всего Малике танцует все-таки дома. Пусть даже в том театре, где не всегда исправно паровое отопление, но за спиной которого — зубчатая линия родных гор. Не зря ведь здесь говорят, что колочка родины милей, чем роза чужбины.

Вершина Юлиуса Фучика

Садриддина Айни, писателя и мудреца, который был дружен с Юлиусом Фучиком, нет в живых. Памятник ему, признанному мастеру, установлен в сквере, возле гостиницы «Душанбе». Но не стали глубокими стариками другие таджикские писатели, хорошо помнящие Юлиуса Фучика, приезжавшего в их родные места еще по путевке Коминтерна. Навсегда запомнилась им его открытая, лучезарная улыбка.

Перемены, происходившие в ту пору в Средней Азии, были особенно разительны, и друг из Чехословакии не уставал дивиться, восторгаться, подмечать... Корреспонденты, написанные им отсюда, поныне дышат жаром первопроходца и бойца, сверкают красками, как самаркандская лазурь.

Неустанно охотясь за новью, куда только ни забирался Фучик! На Пяндж, на Памир, в Калай-Хумб, в отдаленные кишлаки.

Особенно радовали его успехи собратьев по перу, рост литературы, к которой Фучик

всегда относился трепетно и благоговейно.

На чествовании Айни в конце 1935 года Фучик говорил о его произведениях:

— Эти книги не только отражают былые страдания и новые достижения таджикского народа, — они сами по себе — живое доказательство этих достижений.

Фучик извинился тогда, что не преподнес юбиляру подарок, как все другие на этом торжестве.

— Я, как человек приезжий, — не без юмора сказал Фучик, — не могу этого сделать... Поэтому примите мое обещание: я приложу все силы к тому, чтобы вы смогли приехать в Чехословакию и получить такой подарок, который порадовал бы вас...

Растроганный Айни снял с себя подаренный ему халат, накинул на плечи Фучика. Друзья обнялись, расцеловались. Айни с улыбкой обещал приехать в Чехословакию на юбилей Фучика... Взволнованный, счастливый, сидел тогда Юлиус в таджикском национальном халате.

Ни до возраста юбилеев, ни до освобождения своей родины от фашистов Фучик не дождался. Он пал в борьбе, написав незадолго до смерти: «Человек не становится меньше оттого, что ему отрубят голову».

Чаще всего — не меньше, а больше становится он ОТТО-ГО. Гораздо больше, гораздо выше.

После победы над фашизмом один из таджикских колхозов, в кишлаке Нульванд, где некогда побывал Фучик, был назван его именем. В краю гор и ледников на десятки километров протянулись отгонные пастбища этого колхоза. Весной в его садах цветут миндаль, инжир, гранат... Мирным трудом прославились многие жители Нульванда. Давно стал знаменитым чабаном Гариб Наджибов, который некогда проводил Юлиуса Фучика через перевалы до Дашти-Джума... Между памирским кишлаком и златой Прагой установились дружественные контакты. Налажена переписка, обмен газетами, журналами...

Но есть в этом гордом краю особый способ увековечить друга и героя, воздать должное его светлой памяти: назвать его именем одну из окрестных вершин.

Вершине горы Кухи-Фруш присвоено имя Юлиуса Фучика по просьбе колхозников сельхозартели имени Фучика, Калай-Хумбского района. Строгие официальные строки об этом появились в республиканской прессе. Как много за ними чувства.

Конечно, у Чехословакии есть свои горы, древние и прекрасные. Но выше родных гор вершина Юлиуса Фучика вознеслась в памирское поднебесье, точно самой природой изваянный обелиск.

Малика Сабирова.